

УДК 821. 521. 145 «13/18»

СУФИЗМ И КРЫМСКОТАТАРСКАЯ ПОЭЗИЯ ДИВАНА

Абдульвапов Н. Р.

*НИЦ крымскотатарского языка, литературы, истории и культуры
при РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет»
E-mail: Lale64@mail. ru*

В статье исследуется проблема влияния ислама и, в особенности, суфизма на формировании художественного языка, образной системы, общей эстетики и литературного этикета одного из основных направлений крымскотатарской поэзии Ханского периода (XV–XVIII вв.) – поэзии дивана. Различные аспекты темы анализируются на примерах творчества Газаи, Фейзи Кефеви, Саид Герая и др.

Ключевые слова: суфизм, крымскотатарский, поэзия дивана, религиозно-суфийская лирика

Постановка проблемы. Суфизм и поэзия дивана – одна из наиболее популярных тем тюркского литературоведения. По этому поводу имеется довольно многочисленная литература, практически ни одно исследование, посвященное творчеству того или иного поэта дивана не обходится без суфийских экскурсов и комментариев. Особенно ярко это проявляется в турецком литературоведении, где в последние два десятилетия наблюдается своего рода издательский бум, вводящий в обиход огромное количество произведений османской классики, в том числе, десятки «Диванов» самых различных авторов [19; 24]. Обращает внимание и значительный рост количества фундаментальных монографических исследований по теме. Из последних отметили бы монографию К. Устюнера «Суфизм в поэзии дивана. (На основе “Диванов” XIV–XV вв.)» [39], а также чрезвычайно квалифицированный труд М. Э. Кылыча – «Суфий и поэзия. Поэтика османской суфийской поэзии» [33]. Из этой же категории системных исследований, указали бы и на первые основательные опыты составления трудов справочного характера, в частности, фундаментальное исследование М. Аккуша «Содержательный мир тюркской классической поэзии. Литературные жанры и разновидности» [17].

На этом фоне обращает внимание весьма слабая разработанность темы в отечественной тюркологии, в первую очередь, применительно к довольно богатому материалу, представленному крымскотатарской поэзией периода Крымского ханства (XV–XVIII вв.). Последняя, как известно, развивалась в теснейшем контакте с османской литературой соответствующего периода, можно с уверенностью говорить о едином литературном поле, этикете, классиках. В советское время исследования в области средневековой крымскотатарской поэзии по известным причинам не были приоритетными, ныне же они довольно активно развиваются в Крыму. Впрочем, проблематика собственно религиозно-суфийского влияния на крымскую поэзию дивана продолжает оставаться неисследованной. Из публикаций, лишь так или иначе касающихся отдельных аспектов темы, отметим работы Сейтягьяева Н [11; 12], Усеинова Т [13; 14]. и Абдульвапова Н [1; 2; 3].

Серьезным подспорьем в данном вопросе выступают, опять же, исследования турецких ученых. Именно в турецких архивах сохраняется наиболее многочисленная часть крымскотатарского литературного наследия османского периода – ценные рукописи крымских поэтов, литераторов, историков, богословов и мистиков. В последние годы в Турции был осуществлен целый ряд интересных публикаций крымскотатарской поэзии, в том числе и религиозно-суфийского содержания. Это касается, в частности, «Диванов» и отдельных произведений поэтов Мюдами (XVI в.) [34], Хусейина Кефеви (ум. 1601) [31], Фейзи Кефеви (ум. 1614) [22; 23], Саид Герая (XVIII в.) [37], Халим Герая (ум. 1823) [21]. и др. К этому добавим более раннее, ставшее классическим исследование И. Х. Эртайлана о поэтическом творчестве крымского хана Гази Герая II (ум. 1608), в котором было уделено особое внимание религиозной лирике автора [26]. Таким образом, в распоряжении специалистов ныне имеется достаточно обширная литературная база, позволяющая исследовать, в том числе, и проблемы религиозно-суфийского влияния на поэзию крымского дивана. Определение основных аспектов этого влияния и явилось **целью** данной статьи.

В современном турецком литературоведении существуют два подхода к определению понятия «литература дивана» (параллельные названия: «дворцовая литература» (*saray edebiyati*), «классическая» (*klassik edebiyat*), «литература высшего (просвещенного) сословия» (*yüksek zümre edebiyati*) и др [132, 389]) в широком смысле, под литературой дивана подразумевается весь корпус тюркских письменных художественных памятников мусульманского периода, за исключением образцов т. н. «народной литературы» (*halq edebiyati*) в более же строгом смысле, речь идет лишь о лирике, сформировавшейся под значительным влиянием персидской поэзии. Обратим внимание на то, что само выражение «литература дивана» до последнего времени использовалось лишь по отношению к анатолийской, еще вернее, османской литературе [18, 390].

Литература дивана, создав первые образцы в XI–XII вв. (Юсуф Баласагуни, Эдип Югнеки) и пройдя этап становления в XIII–XIV вв, окончательно оформилась к середине XV в [18]. Огромное влияние на эти процессы было оказано суфизмом и суфийской литературой.

В отношении генезиса этого влияния, стало традицией говорить о памятниках анатолийской литературы XIII–XIV вв, заложивших основу для развития всех трех основных направлений средневековой тюркской литературы (литература дивана, суфийской обители (*tekke edebiyati*) и ашыкская). Подавляющее большинство из них – либо суфийского содержания, либо написаны под огромным влиянием соответствующих идей [4]. Среди них одно из основных мест принадлежит поэзии Джеляледдина Руми – его «Месневи» и, даже в большей степени, «Большому дивану» («*Диван-ы Кебир*») [7]. То же самое наблюдаем на примере и других тюркских литератур этого периода: здесь так же весьма значителен пласт памятников суфийского содержания [9].

Вышеупомянутое персидское влияние также привлекает своей суфийской составляющей. Достаточно указать на имена Низами, Аттара, Санай, Руми, Саади, Хафиза [6; 8].

А. Гельпынарлы на вопрос: «Можно ли отделить суфийскую литературу от литературы дивана?», замечает: «В литературе дивана, практически у каждого поэта, включая даже Недима, присутствуют склонность к суфизму. <...> Если собрать из творчества поэтов дивана стихи, написанные в полном соответствии с суфийскими идеями или же касающиеся тех или иных суфийских основ, образуется фундаментальная антология суфийской литературы» [28, 161].

М. Э. Кылыч в отношении неразрывной связи суфизма и литературы дивана, употребляет весьма емкое сравнение, что если представить османскую поэзию (имеется ввиду именно поэзия дивана – Н. А.) телом организма, душой (*рух*) ее будет суфизм. В таком случае история литературы (дивана) становится неразрывно связанной с историей суфизма [33, 39].

Одним из путей неослабного влияния суфизма на поэзию дивана являлось членство многих поэтов в различных суфийских братствах (тарикатах) в этой связи любопытны свидетельства о контактах поэтов дивана в стенах суфийских обителей. Так, И. Пала пишет о беседах на темы поэзии дивана в стенах мевлевийских текке [36]. Это и не удивительно, учитывая, что значительная часть наиболее известных османских поэтов дивана были мевлеви.

Суфизм оказывал влияние даже на формировании целых направлений в поэзии дивана. Примером тому может служить т. н. «поэзия индийского стиля» («*себк-и хинди*»), сформировавшаяся в значительной степени под влиянием суфийских идей братства накшибенди [15, 154].

Впрочем, членство в тарикате не было обязательным условием становления поэта дивана. Оказанное суфизмом в свое время влияние на формирование поэтики литературы дивана было настолько сильным, что эта поэзия могла отныне существовать параллельно, без продолжающейся «подпитки» (поддержки) со стороны обители. Более того, поэзия дивана со временем сама стала своего рода «языком суфизма». Характерны в этом отношении слова ученого К. Эрнста, абсолютно применимые в адрес и тюркской поэзии дивана: «Вполне можно было написать стихи в суфийской манере, не являясь практикующим мистиком. Не будет преувеличением сказать, что все крупные придворные персидские поэты XVII века писали стихи, полные суфийской образности, хотя немногие из них по-настоящему были связаны с суфийскими братствами» [16, 214].

Ещё более «категоричен» в этом вопросе известный английский востоковед Х. Гибб, автор одного из наиболее ранних фундаментальных исследований по османской литературе: «Практически все османские поэты либо суфии, либо люди, использующие язык суфиев» [27, I, 44]. И здесь же: «Поэты в основной своей массе суфии, суфии же – поэты» [27, I, 34].

Данную мысль проводит абсолютное большинство наиболее известных исследователей религиозно-суфийской литературы. Х. Юджель пишет, что «суфизм составляет корневую философию литературы дивана» [33, 38–39]. А. С. Левенд отмечает суфизм первым в ряду источников, «сформировавших язык, символы, метафоры (*mazmûn*), понятия (*mefhûm*) этой литературы» [33, 39]. В том же духе резюме И. Пала: «Суфизм стал одним из фундаментальных элементов поэтики дивана» [36, 57].

Таким образом, знание суфийской поэтики возводится в ранг наиболее важных требований для понимания поэзии дивана, без осознания которого адекватное понимание этой поэзии становится попросту невозможным. М. Кылыч в своей монографии приводит весьма характерные слова чешского востоковеда Яна Рипки из исследования, посвященного далеко не суфийскому османскому автору – «султану поэтов» Баки (XVI в.): «Бесспорной истиной является то, что практически все из прошлых поэтов выросли впитав, если можно так выразиться, молока суфизма. Это молоко повлияло на все их творчество. Как результат, не зная суфизма, понять что-либо в их поэзии невозможно» [33, 34].

Данные цитаты убедительно показывают, что суфизм оказал определяющее значение на формирование художественного языка и образной системы, общей эстетики поэзии дивана, его литературного этикета. Наиболее популярными элементами этого этикета стали понятия и символы т. н. «любовно-застольной» лирики. Суфизм придал вину (*şarab*) смысл «напитка божественной любви» (*ilâhiy aşq*), винному кабаку (*meyhane*) – места, где наслаждаются этой любовью, а именно, суфийской обители (*tekke*), виночерпию (*meyhaneci, saqi*) – духовного наставника (*murşid*), бокалу (*qadeh*) – сердца (*qalb*) ашыка и т. п. Во главе же этого ряда находится основная пара образов: объект любви, «возлюбленная» (*maşuq*) – Творец (Аллах) и «влюбленный» (*aşiq*) – его раб, полностью отдавшийся божественной любви и готовый на все во имя этого всепоглощающего чувства [18, 420].

Перечисление символов этой поэзии можно продолжить. Важно то, что этому поэтическому этикету отныне следовал каждый поэт, изменить его было не под силу никому, это было бы воспринято как неслыханный вызов традиции. В результате, поэт продолжал вещать сквозь эту оболочку символов. О. Ф. Акюн справедливо замечает, что даже такие высокопоставленные религиозные авторитеты, как османский шейхульислам, в жизни не испившие даже капли вина, со страстным воодушевлением воспевали в своих стихах вино и кабаки [18].

Долгое время границы в поэтике различных литературных направлений оставались достаточно размытыми. На это в свое время указывал Э. Джавелидзе: «На сегодня трудно чётко отделить друг от друга характерные элементы художественной системы литературы дивана и поэзии дервишей, так как сфера действия этих элементов не разграничена. Но мы можем смело говорить о том, что то или иное поэтическое выражение и поэтическая фигура более характерны и специфичны для дервишко-ашугской поэзии, нежели для литературы дивана и т. п.» [5, 195].

Эта проблема в значительной мере сохраняет свою актуальность и ныне. Решается она отчасти тем, что в литературе дивана стали выделять два блока памятников: светского (*din-tışı divan edebiyati*) и религиозно-суфийского (*diniy-tasavvufiy divan edebiyati*) содержания [35, 20]. Однако, это деление в значительной степени относительно, поскольку и на светской поэзии дивана также однозначно присутствует печать суфийской поэтики.

В указанном исследовании М. Аккуша среди более пятидесяти образцов жанров, жанровых форм и разновидностей (*тиюр*) поэзии дивана не менее тридцати являются образцами собственно религиозного содержания, в том числе: *тевхид* (гимн величию и единству Творца), *мунаджат* (обращение к Богу с молитвой), *нат* (пане-

гирик Пророку Мухаммеду), *шефаат-наме* (обращение к Мухаммеду о заступничестве в Ссудный день), *мевлид* (поэма о рождении Мухаммеда), *мираджие* (поэма о вознесении Пророка к престолу Бога), *хилье* (поэма о физическом облике, возвышенных качествах и образцовых деяниях Мухаммеда), *газа-наме* (стихи на тему священной войны во славу Ислама), *менакиб-наме* (поэма агиографического содержания), *рамазание* (поэма о достоинствах священного месяца рамазан) и др [17]. Однако и из оставшихся значительная часть используются в религиозной лирике: *медхие* (хвалебная ода), *мерсие* (элегия), *неврузие* (разновидность «весенних» стихов, посвященных Неврузу – народному Новому году, приходящемуся на день весеннего равноденствия) и т. д. Это хорошо можно видеть на примере подробной классификации жанров религиозно-суфийской лирики, присутствующей в известном исследовании турецкого литературоведа А. Гузеля: из списка М. Аккуша в нем встречается 48 названий [29, 607–797]. Таким образом, лишь 5-6 жанров (*бахарие* (стихи о приходе весны), *ишрет-наме* (поэма о застолье), *хиджвие* (сатирические стихи), *фахрие* (стихи-самовосхваления), *теммузийе* (стихи о лете), *шитаийе* (стихи о зиме) и т. п.) можно считать чисто «светскими» жанрами. Однако и на их образной сфере очень часто так или иначе присутствует печать суфийской символики.

Поэтами дивана активно использовалась значительная часть жанров религиозно-суфийской лирики при составлении «Диванов». Соответствующие стихи, при этом, распределялись во всех частях сборников. Как правило, «Диваны» начинались с образцов именно возвышенных, религиозных жанров: *тевхид*, *мунаджат*, *нат*, *фазилет-наме* (хвалебные стихи в адрес «четырех праведных халифов» и других религиозных и суфийских авторитетов) и т. д. [18, 397].

В первой же части «Диванов» присутствовали и образцы хвалебных од – *касыд*, адресованных конкретным историческим лицам, различным государственным сановникам и представителям знати, благосклонностью которых старался заручиться поэт. Для многих подобных произведений мотивом-поводом, с которого начиналась ода (*гиризях*), служили именно религиозные сюжеты (например, наступление того или иного месяца исламского календаря, в связи с чем в этой части оды описывались различные события мусульманской истории, имевшие место в этом месяце и т. д.). Исходя из этого мотива, касыды получали и свои наименования. Примером может служить *рамазание* – касыда, начинающаяся описанием соответствующего месяца поста и начала ниспослания Корана и т. д. [32].

Присутствовали произведения религиозно-суфийского содержания и в основной, наиболее многочисленной части «Дивана», отражавшей непосредственно внутренний мир поэта, – среди газелей. Здесь встречались два типа стихотворений: газели с явными признаками наиболее популярных жанров (*мунаджат*, *иляхи* и др.), а также менее выпуклыми характерными жанровыми особенностями, например, в стихах, содержащих различные лирические переживания поэта в религиозном духе.

Наконец, религиозно-суфийские мотивы могли присутствовать и в завершающей части «Диванов», состоявшей из наименьших форм поэзии – *рубайи*, *кыта*, *назым*, *бейит* и др. Здесь же необходимо сказать и о жанрах *муамма* и *люгаз* (поэтиче-

ских загадок на, соответственно, имя и предмет (или явление)), последние весьма часто были именно религиозного содержания [128].

Хорошим примером вышесказанному может служить «Диван» крымского поэта XVIII в. Саид Герая, в котором присутствуют образцы многих указанных форм и жанров [37]. То же самое можно сказать и о «Диване» шейха Фейзи Кефеве [23]. Отдельные образцы религиозной лирики в жанрах *мунаджат* и *тарих*, а также в формах *газель* и *кыта* присутствуют и в «Диване» Халима [21]. Образцы загадок *муамма* и *люгаз* религиозного содержания встречаются среди арузных стихов в «Диване» Ашык Омера [25].

Помимо «Диванов», поэты часто обращались к религиозным сюжетам при написании отдельных, относительно крупных произведений. Примером тому может служить поэма-месневи Газаи «Долаб» [26]. К религиозным стихам обращались и авторы прозаических произведений, в частности, исторических хроник в жанрах *тарих*, *теварих* и др, помещая их как в начале трудов (*тевхид*, *мунаджат*), так и в виде отдельных фрагментов малых форм (*кыта*, *назым*, *бейт*) в самих произведениях. Примером может служить *тевхид* во вступлении к «Розовому кусту ханов» Халим Герая [30, 8–9].

Стоит обратить внимание и на то обстоятельство, что среди поэтов дивана присутствуют множество представителей духовного сословия *улема* (кадии, кадыаскеры, муфтии, мудеррисы и т. д.), что, разумеется, не могло не отразиться на тематике их творчества [20].

Религиозно-суфийские мотивы весомо присутствуют в творчестве целого ряда крымских поэтов дивана: Абдульмеджида (XV в.), Газаи, Хусейина Кефеве, Фейзи Кефеве (XVI в.), Келими, Шахин Герая (XVII в.), Саид Герая, Рахми, Рамиза, Халим Герая, Рифата (XVIII в.) и др. Этого же следует ожидать и у многочисленных других авторов, остающихся малоисследованными.

Из известных поэтов весьма характерным является творчество Газаи (крымский хан Гази Герай II «Бора», ум. 1608) – известного крымского правителя, талантливого поэта, музыканта, композитора, каллиграфа, мецената. Литературное наследие Газаи до наших дней сохранилась не в полном объеме. Так, до сих пор не обнаружен «Диван» поэта, упоминаемый в некоторых источниках [26]. В распоряжении исследователей имеется лишь малый диван («*Диванче*»), а также отдельные поэтические фрагменты из различных рукописных сборников, находящихся в библиотечных собраниях Турции, России, Великобритании и других стран. В общей сложности, в настоящее время известны тексты около пятидесяти газелей, двух поэм-месневи («*Долаб*» («Мельничное колесо») и «*Гуль ве бульбуль*» («Роза и соловей»), еще одна поэма, «*Кахве ве баде*» («Кофе и вино») остается найденной), а также ряда писем в стихах и художественной прозе [26]. В жанровом отношении творчество Газаи весьма разнородно: наряду с достаточно привычными образцами любовной, любовно-философской и военно-походной лирики, мы встречаем здесь блестящие по художественному мастерству, остроте пера и значимости общественных мотивов образцы сатиры – *хиджвие*.

Говоря о религиозной лирике поэта, необходимо отметить однозначное присутствие у него соответствующей религиозной культуры. Ряд фактов свидетельствует о

благоволения Газаи суфизму, хотя сведения о его принадлежности какому-либо суфийскому тарикату в настоящее время отсутствуют. В творчестве поэта присутствуют, прежде всего, произведения дидактического содержания – проникнутые мотивами религиозно-философских размышлений о сути человеческого предназначения и взаимоотношений человека с Творцом, а также содержащие различные наставления в исламском духе. Среди подобных произведений отметим ряд газелей и поэму-месневи «Долаб» («Мельничное колесо») на тему исламского понятия «кадер» («предопределение») [26].

Встречаем у Газаи и суфийские мотивы. На это в свое время указывал И. Х. Эртайлан, отмечая, что у Газаи присутствует суфийский символизм и восторженные мистические настроения, вызывающие в памяти имена наиболее значительных суфийских подвижников [26, 34]. Мистические мотивы встречаем в целом ряде газелей Газаи. В одной из них он даже преподносит себя как человека, которому «явны смыслы всех имён» и который «покорил вселенную, казнив коварного “врага” своего эго» [там же]. Обращает внимание упоминание в одной из газелей ордена мевлеви. Заметны в газелях Газаи и эпикурейские (*rintlik*) мотивы.

Еще одним весьма характерным примером присутствия религиозно-суфийских мотивов в поэзии крымского дивана может служить творчество вышеупомянутого поэта (и историка) саид Герая (ум. после 1767 / 68 г.) сын крымского хана Саадета III, он получил известность в должности сераскера Едисана [37]. «Диван» Саида был в свое время достаточно популярным. В весьма похвальном ключе о нем отзывался, в частности, французский консул в Крыму в середине 1750-х гг. Шарль де Пейссонель [10].

Рукопись «Дивана» Саид Герая сохранилась в Турции, здесь же он был опубликован в 2001 г. в латинской графике и в последние годы стал объектом исследований [37]. В частности, работавший с «Диваном» О. Тавукчу отмечает незаурядный талант автора, представляющего направление т. н. «индийского стиля» – «*себк-и хинди*». Исходя из некоторых фактов биографии и отдельных указаний на то в стихах, автор предполагает принадлежность поэта ордену накшибенди [28].

В «Диван» Саида вошло более 200 произведений на самые различные темы. В нашем контексте привлекает внимание целый ряд образцов крупных жанров. Так, в начальном разделе поэм-месневи присутствуют три поэмы в жанрах *тевхид* (слово-словие Творцу, 68 бейтов), *нат* (ода Пророку Мухаммеду, 29 бейтов) и *фазилет-наме* (ода четырем «праведным» халифам, 26 бейтов) в разделе касыд так же присутствуют две оды на религиозные сюжеты: *мираджие* (поэма о вознесении Пророка, 69 бейтов) и еще один *нат* в виде *рамазание* (60 бейтов). Помимо этого, в «Диване» встречаем и отдельные газели религиозного содержания. Особого анализа требуют также многочисленные стихотворения, лишь содержащие те или иные религиозно-мистические мотивы или же несущие печать суфийской символики.

Выводы и перспективы исследования. Выше были исследованы основные аспекты религиозно-суфийского влияния на формирование поэтики одного из основных направлений крымскотатарской поэзии ханского периода – дивана. Значимость указанного влияния привело к выделению в поэзии дивана отдельного, весьма многочисленного блока памятников – религиозно-суфийского содержания (*diniy-tasavvufiy*

divan şiiri) суфизм оказал колоссальное влияние на формирование литературного этикета, художественного языка, образной системы поэзии дивана. По свидетельству многочисленных исследователей, без понимания суфийской поэтики понимание основ поэзии дивана является невозможным. Поэты дивана активно использовали многочисленные жанры религиозно-мистической лирики, да и стихи не религиозного содержания в значительной степени были пропитаны исламской образностью и суфийской символикой. Религиозно-суфийские мотивы весьма значимо присутствуют в творчестве целого ряда известных крымских поэтов дивана, этого же следует ожидать у многочисленных других авторов, остающихся малоисследованными. Тема требует монографических исследований – как обобщающего характера, так и по каждому автору или же жанру отдельно. Тому залог все увеличивающееся количество публикаций литературного материала, а также совершенствование методов анализа соответствующих проблем в зарубежной и отечественной тюркологии.

Литература:

1. Абдульваап Н. Шахин Герай ве кьальп шеклиндеки гъазели / Н. Абдульваап // Ыьлдыз. – 2007. – № 1. – С. 127–141.
2. Абдульваап Н. Р. Био-библиографические исследования османских авторов конца XIX – начала XX вв. как источник по истории крымскотатарской религиозно-суфийской литературы / Н. Р. Абдульваап / Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. – 2010. – Выпуск 23 (Филологические науки) – С. 85–90.
3. Абдульваап Н. Суфизм в Крыму и крымскотатарская религиозно-суфийская литература: основные направления исследований / Н. Абдульваап / Труды НИЦ крымскотатарского языка и литературы. КИПУ. Сборник. Т. 1 / [сост. Киримов Т. Н.] – Симферополь: КРИ «Издательство Крымчпедгиз», 2011. – С. 135–158.
4. Гарбузова В. С. Турецкая поэзия XIII – первой четв. XX в. (Основные этапы развития, проблемы творческой преемственности): автореф. дис. на соискание уч. ст. д-ра филол. наук: спец. 10. 01. 06 / Виринея Степановна Гарбузова. – Л, 1975. – 27 с.
5. Джавелидзе Э. Д. У истоков турецкой литературы. II. Юнус Эмре / Элизбар Дмитриевич Джавелидзе. – Тбилиси, 1985. – 300 с.
6. Крымский А. Е. История Персии, её литературы и дервишеской теософии. Ч. II / Агафангел Ефимович Крымский. – М, 1906. – 261 с.
7. Крымский А. Е. История Турции и её литературы. Т. I / Агафангел Ефимович Крымский. – М, 1916.
8. Крымский А. Е. Очерк развития суфизма до конца III в. Хиджры / Агафангел Ефимович Крымский. – М, 1895. – 49 с.
9. Очерки истории татарской общественной мысли. – Казань, 2000. – 191 с, ил.
10. Пейссонель, Шарль де. Записка о Малой Татарии / пер. с фр. В. Лотошниковой, вступ ст, прим. и комм. В. Грибовского / Шарль де Пейссонель. – Днепропетровск: Герда, 2009. – 80 с.
11. Сейитяхья Н. Къырым диван эдебиятынынъ муэллифлери ве эсас хусусиетлери: умумий бакъыш / Н. Сейитяхья // Ыьлдыз. – 2004. – № 4. – С. 65–105; № 5. – С. 83–108.
12. Сейтяг'яев Н. С. Короткий нарис історії кримської придворної літератури (XV–XVIII ст.) / Н. С. Сейтяг'яев / Труды НИЦ крымскотатарского языка и литературы. КИПУ. Сборник. Т. 1 / [сост. Киримов Т. Н.]. – Симферополь: КРИ «Издательство Крымчпедгиз», 2011. – С. 75–97.
13. Усеинов Т. Б. Религиозно-суфийская литература Крымского ханства / Размышления о поэзии Крымского ханства (Сборник статей) / Тимур Бекирович Усеинов. – Симферополь: «Оджакъ», 2005. – С. 116–122.
14. Усеинов Т. Б. Семантический аспект поэзии Газаи (газельное наследие крымского хана) монография / Тимур Бекирович Усеинов. – Симферополь: КРП «Издательство «Крымчпедгиз», 2008. – 140 с.
15. Шimmel А. Мир исламского мистицизма / пер. с англ. Н. И. Пригариной, А. С. Раппопорт / Аннемари Шimmel. – М. : Алетея, Энигма, 2000. – 416 с. : ил.

16. Эрнст Карл В. Суфизм / пер. с англ. А. Горькавого / Карл В. Эрнст. – Москва: ФАИР-ПРЕСС, 2002. – 320 с. : ил.
17. Akkuş, Metin. Klasik Türk Şiirinin Anlam Dünyası. Edebi Türler ve Tarzlar / Metin Akkuş. – Erzurum, 2006. – 314 s.
18. Akün Ömer Faruk. Divân edebiyatı // İA. – C. 9. – İst, 1994. – S. 389–427.
19. Aşkar, Mustafa. Tasavvuf tarihi alanında yapılan doktora ve yüksek lisans tezleri bibliografyası / Mustafa Aşkar // Tasavvuf. – Sayı 4. – Eylül 2000. – S. 55–78.
20. Bursalı, Mehmet Tâhir. Osmânlılar Zamânında Yetişen Kırım Mü'ellifleri / Haz. : Mehmet Sarı / Mehmet Tâhir Bursalı. – Ankara, 1990. – 64 s.
21. Divân-ı Halîm Giray / Haz. : R. Toparlı, M. Sadi Çögenli. – Erzurum, 1991.
22. Eflatun M. Değişik bir na't örneği: Feyzi-i Kefevî'nin mütezâd kasidesi / Muvaffak Eflatun // Milli Folklor. – Yıl 15. – Sayı 58. – S. 129–132.
23. Eflatun M. Feyzi-i Kefevî Divanı: Tahlil-Metin. – Gazi Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü. (Basılmamış Doktora Tezi) / Muvaffak Eflatun. – Ankara, 2003. – XI + 765 s.
24. Ercilasun Ahmet Bican. Yapılan konuşmaların genel değerlendirilmesi / Ahmet Bican Ercilasun / Cumhuriyetimizin 75. Yılı Münasebetiyle Cumhuriyet Döneminde Dil ve Edebiyat. Panel. 26 Ekim 1998. Van. Yüzüncü Yıl Üniversitesi. – İst, 2001. – S. 48–55.
25. Ergun S. N. Aşık Ömer. Hayatı ve Şiirleri / S. N. Ergun. – İst, 1936. – 95 + 444 s.
26. Ertaylan İ. H. Gazi Geray Han. Hayatı ve Eserleri / İ. H. Ertaylan. – İst, 1958. – 93 s.
27. Gibb E. J. W. Osmanlı Şiir Tarihi. C. I-II / E. J. W. Gibb. – Ankara, 1999.
28. Gölpinarlı A. 100 Soruda Tasavvuf. 2. Baskı / A. Gölpinarlı. – İst, 1985. – 199 s.
29. Güzel A. Dini-Tasavvufî Türk Edebiyatı. 3. Baskı / Abdurrahman Güzel. – Ankara, 2006. – 872 s.
30. Halîm Giray Sultan. Gülbün-i Hânân / Haz. : M. Sadi Çögenli, R. Toparlı. – Erzurum, 1990. – 254 s.
31. Kefeli Hüseyin. Râznâme (Süleymaniye, Hekimoğlu Ali Paşa No. 539) / Transcription and Facsimile Prepared by İ. Hakkı Aksoyak / Sources of Oriental Languages and Literatures 62 / Hüseyin Kefeli. – Harvard University. The Department of Near Eastern Languages and Civilizations, 2004. – 367 p.
32. Kılıç, Filiz. Türk Edebiyatında Ramazan Şiirleri (Güldeste) / Filiz Kılıç, Muhsin Macit. – Ankara, 1995. – 198 s.
33. Kılıç, Mahmut Erol. Sufi ve Şiir. Osmanlı Tasavvuf Şiirinin Poetikası. 7 Baskı / Mahmut Erol Kılıç. – İst. : İnsan Yayınları, 2009. – 208 s.
34. Kol N. Kefeli Mustafa Müdâmî Divanı (16. yüzyıl): Tahlil-Metin. – Boğaziçi University. (Basılmamış Yüksek Lisans Tezi) / Nilüfer Kol. – İst, 2007. – 314 s.
35. Pala İ. Divan Edebiyatı. 5. Baskı / İskender. Pala. – İst, 2003. – 160 s.
36. Pala İ. Edebi Çehresiyle Mevlevîhâneler / İskender Pala // II. Milletler Arası Osmanlı Devletinde Mevlevîhâneler Kongresi. – 1993. – S. 55–60.
37. Saîd Giray Divânı (Hayatı, Sanatı, Divan Metni) / Haz. : Saadet Karaköse. – Denizli, 2001. – 189 s. + Metin.
38. Tavukçu K. XVIII. Yüzyıl Sebki-hindi şairlerinden Sa'id Giray'ın üslup özellikleri / Kemal Tavukçu // Uluslararası II. Türkoloji Kongresi. Bildiriler. (Kırım Mühendislik ve Pedagoji Üniversitesi, 22–24 Mayıs 2008) – Simferopol, 2009. – S. 210–219.
39. Üstüner K. Divan Şiirinde Tasavvuf (14. ve 15. yy. Divanlarına Göre) / Kaplan Üstüner. – Ankara: Birleşik Yayınevi, 2007. – 482 s.

Абдульвапов Н. Р. Суфізм та кримськотатарська поезія дивану / Н. Р. Абдульвапов // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 231–240.

У статті досліджується проблема впливу ісламу і, особливо, суфізму на формування художньої мови, образної системи, загальною естетики і літературного етикету одного з основних напрямків кримськотатарської поезії Ханського періоду (XV–XVIII вв.) – поезії дивану. Різні аспекти теми аналізуються на прикладах творчості Газаї, Фейзі Кефеві, Саїд Герая та ін.

Ключові слова: суфізм, кримськотатарський, поезія дивану, релігійно-суфійська лірика

Abdulvapov N. R. Sufism and Crimean Tatar Divan poetry / N. R. Abdulvapov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 231–240.

Islam and Sufism in particular had a decisive role in shaping the literary language and imagery system, general aesthetics of Divan poetry, its literary etiquette. Knowledge of Sufi poetics is one of the most important requirements that make possible the adequate understanding of this poetry. They distinguish two monument blocks of Divan poetry: secular (*din-tışı divan edebiyati*) and the poetry of religious and Sufi content (*diniy-tasavvufiy divan edebiyati*). However, the footprints of Sufi poetics can also be found in so called "secular" poetry too. The basis for this was laid by the authors like F. Attar, J. Rumi and others who contributed both the Tekke and Divan poetry. The fact that many poets of Divan quite often were members of different Sufi fellowships facilitated the above-mentioned process. The Mevlevi Order that gave the literature the largest number of poets is worth of special attention. However, the membership in the Tariqa was not a prerequisite of becoming a Divan poet. Sufi influence on formation of Divan literature poetics was so strong that this poetry eventually came to exist in parallel, without the continued support of the Sufi monastery. Moreover, later on Divan poetry became "the language of Sufism" itself. "Divans" of the representatives of this poetry contain a significant number of samples of the religious and Sufi lyric (Tevhid, Nat, Munajat, Mirajiye, Ramadaniye, etc.). Along with this, the religious subjects were used in numerous examples of the genre which were not religious and Sufi by definition. Religious and Sufi motifs are present in the works of a number of Crimean poets of divan: Abdulmejid (XV c.), Gazahi, Huseyin Kefevi, Feyzi Kefevi (XVI c.) Kelimi, Shahi (XVII c.), Said Giray, Rahmi, Ramiz, Halim, Rifat (XVIII c.), etc. This is to be expected in the works of many other poets who remain scarcely explored. Among well-known poets Gazahi is the author of a deeply religious poem "Dolab" and a number of gazelles in the genres of religious didactics. A significant part of the "Divan" by Feyzi Kefevi contains numerous examples of religious and Sufi poetry. A big part of "Divan" by Sayid Giray is also of Sufi religious content.

Key words: Sufism, Crimean Tatar, Divan poetry, religious and Sufi lyric

Поступила в редакцию 01.03.2013 г.